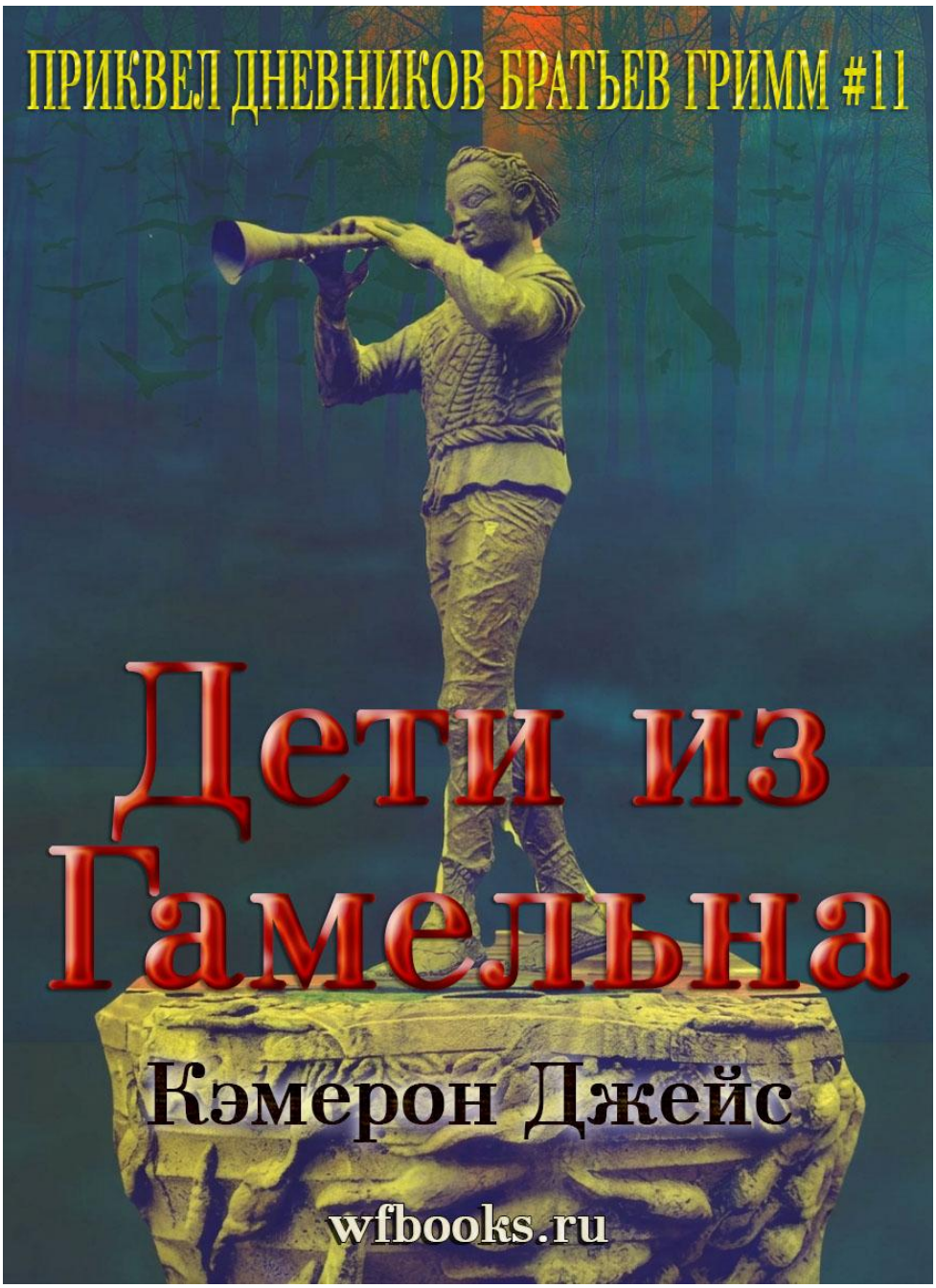
Кэмерон Джейс - Дети из Гамельна

Переведено специально для группы
˜”*°•†Мир фэнтези†•°*”˜ http://Wfbooks.ru
Название: Дети из Гамельна / Children Of Hamlin
Автор: Кэмерон Джейс / Cameron Jace
Серии: The Grimm Diaries Prequels #11
Перевод: maryiv1205, 289080659, romanenkokarina, Angel_of_death
Редактор: NDobshikoVa

Кэмерон Джейс - Дети из Гамельна
Cameron Jace - Children Of Hamlin

Дети из Гамельна (Рассказано Дьяволом)

Дорогой Дневник,

Эй! Скучали по мне?

А вот я по вам не скучал.

Без обид, ладно? Зачем мне скучать по вам? Вы ведь не особенная принцесса-снежинка из книги сказок или прекрасный принц, который только и делает, что ищет себе девушек. Таких, как вы - куча; куча разлагающихся существ, похожих друг на друга, как капля воды. Вы полны жадности, похоти и зла; вам не чуждо всё человеческое, вы постоянно совершаете ошибки, и это я ещё молчу про девять ярдов глупости - самый страшный грех, между прочим.

Если вы тыкните пальцем в меня и назовете дьяволом я врежу вам и назову человеком. Я был изгнан из рая, потому что я злой; но вы не попадёте туда, потому что вы слишком глупы.

Называйте меня, как пожелаете: дьяволом, монстром, плохим парнем, который вымазывается в кетчупе с ног до головы и ест гигантской вилкой; я по-прежнему останусь тем, кто убирает за вами ваше грязное бельё. И ещё, ребята, вы слишком редко моетесь! Фу!

Давайте проясним факты. Без меня, вам не сойдет с рук и половина плохих вещей, которые вы совершаете с собратьями. Без меня, вам некого было бы винить, вместо того, чтобы признать, что вы ужасны, безответственны, эгоистичны и совершаете, по меньшей мере, три из семи смертных грехов... Опять же - их на самом деле восемь, а не семь - никто никогда не упоминает глупость. Мы оба понимаем, что друзьями нам не стать. Если уж вам в голову пришла такая мысль, то поясню: я - тот, кто я есть, и вы мне не нравитесь и никогда не понравитесь. Короче говоря, именно благодаря мне вы создаёте на окружающих благопристойное впечатление. Так что побольше уважения, народ!

Теперь, когда я выговорился, объясню, почему я снова взялся за свой дневник. Помните последний раз, когда я рассказывал вам о Кровавой Мэри? Ну, давайте, присядьте, насладитесь газировкой, попкорном, забудьте о своих убогих сериалах для лентяев, и позвольте мне рассказать о Дудочнике и Шапочке. Я слышу, как вы стонете, жалуетесь и задаётесь вопросом, что у них может быть общего. Ладно, садитесь и слушайте...

* * *

Однажды, когда я, как обычно, заскучал в Аду, и, свесив ноги с края, стал удить рыбу - драгоценное хобби, если вы меня понимаете. Между прочим, я вовсе не пытался стащить рыбу из озера Мичиган.. У нас есть черный пруд в Аду, где вся рыба сдохла давным-давно, думаю из-за жары, а может от скуки или от того, как глупы и предсказуемы люди. Я нацепил солнцезащитные очки, надел радужную шляпу и шорты, и наслаждался днем в Аду. Мне нравилось представлять, что я провожу выходные на пляже, наблюдая за мальчишками, играющими в фрисби, и девчонками, ловящими бабочек. Я бы разыгрывал папочку с большой сигарой во рту, приглядывающего за детьми и игнорирующего тот факт, что я медленно убиваю их табачным дымом. Маленькие детишки, которых я похитил, чтобы обучить Полезному

Искусству Зла и Озорства - которое намного проще математики, - играли и плавали рядом со мной в черном пруду. Какой же счастливой неблагополучной семьёй мы были! Ловлю их! (это как "люблю их". Ты ведь знаешь жаргон, да?) Но, конечно, эта девчушка, похожая на Пеппи Длинный Чулок — которая никогда не скажет мне своё настоящее имя, - должна была прервать мою рыбалку и принести мне одну из тех вещей, которые вечно находит. В прошлый раз это было зеркало, на этот раз - хрустальный шар.

- Смотри, - сказала она, - я вижу в хрустальном шаре Смерть и её мать.

Я говорил, что она немного шепелявила, и у неё выходило "хруштальный"? Наверно, поэтому она никогда не говорила мне "спасибо".

Когда я заглянул в хрустальный шар, то увидел коттедж Смерти в лесу Королевства Скорби, куда мне было запрещено входить. Да, я Дьявол, но Смерть гораздо сильнее меня. Смерть исполняет приказания; она не станет принимать во внимание твоё мнение или вести переговоры об альтернативной сделке. Я же, напротив, очень люблю переговоры.

Мне стало любопытно, и я заглянул в хрустальный шар; все мои детки смотрели вместе со мной. В шаре отразилась Шапочка, со слезами на глазах ворвавшаяся в дверь своего коттеджа. Шапочка даже не поприветствовала мать. Она бросила косу на кухонный стол, забрызганную кровью и слезами, и пошла прямо в свою комнату, рыдая до смерти. На хрустальном шаре была изображена леди-мать, глубоко переживающая за свою дочь. Я никогда не испытывал таких чувств к своим детям, но, возможно, я не способен на это.

Мать Шапочки нерешительно стояла за дверью спальни дочери, боясь постучать.

- Что случилось с Поварешкой? - спросила меня чертенок. - Почему Поварешка плачет? Я люблю ее.

- Тссссс, - сказал я, - перестань болтать. Давай послушаем, что случилось.

Шапочка рассказывала о том, как она должна была убить мальчика сегодня вечером, но не смогла; что мальчик был каким-то демоном, и что он не умет, и велела послать сообщение своей матери и сказать ей, что Дудочник вернулся.

Мое сердце упало. Дудочник? Ох, нет! Я откинулся в кресле-качалке, и мои дети выглядели обеспокоенными.

- Что-то не так? - спросила девочка, похожая на Пеппи Длинный Чулок.

- Дай мне отдышаться, - сказал я. Я не хотел говорить о Дудочнике. Я ненавижу Дудочника. У меня от него мурашки по коже.

- Ты ведь умеешь не дышать! - обиженно протянул низенький мальчик.

- Ну, по крайней мере, ты мог бы быть настолько любезен, чтобы позволить мне притвориться, что умею, - выпалил я в ответ. - А как еще я могу проявить беспокойство?

- Ты не должен чувствовать беспокойство. Ты вообще ничего не должен чувствовать, - не унимался малыш.

Не обращая внимания на несносного мальчишку, я вернулся к хрустальному шару и увидел, как мать Шапочки была потрясена, услышав о Дудочнике.

- Вот видишь! - Я презрительно ухмыльнулся мальчишке. - Его боюсь не только я.

Мать Красной Шапочки вернулась на кухню и очищала косу дочери от крови, она почувствовала её слёзы, почувствовав запах она издала короткий крик. Я знал, что испугало ее. Она почувствовала запах Дудочника, который он передал через своих посланников. Это был своеобразный и незабываемый запах. Это был запах инфекций, заразных крыс, разносящих чуму.

Кэмерон Джейс - Дети из Гамельна
Cameron Jace - Children Of Hamlin

Мы наблюдали за тем, как мать Шапочки закрывает окна, опускает шторы, рассыпает соль на пороге дома, чтобы защититься от злобных духов и убедиться в том, что нигде поблизости не звучало ни одной песни. Древние люди, такие как я и мать Шапочки знали слухи о песне, которая убьёт любого, кто услышит её. Говорили, что только Дудочник знал её мелодию. Как бы я хотел, чтобы у меня была такая песня. Почему у любого другого злого существа были гораздо лучшие сверхспособности, чем у меня?

Я наблюдал, как мать Шапочки вернулась в комнату дочери, теперь, когда ее рыдания прекратились.

- Шапочка? - осторожно спросила ее мать. - Милая?

Хрустальный шар показал Шапочку, которая пряталась под белыми простынями с бутылкой красного вина, дрожа перед невидимыми монстрами.

-Уходи. Я больше не верю тебе,- сказала Шапочка, выглядывая из - под одеяла и держа бутылку вина, словно это была её новая коса.

- Что ты имеешь в виду? Ты не доверяешь мне? - ее мать была шокирована.

-А с чего бы мне доверять? Сегодня ночью я убила мальчика, а он не умер, потому что он был не тем, кем я считала его. Откуда же мне знать, что ты моя мать? Ты можешь быть Большим Злым Волком, переодевшимся в мою мать.

- Позволь объяснить, что сегодня случилось, - сказала ее мать.

-Я не хочу, чтобы ты что-то объясняла, - сказала Шапочка. -На самом деле, тебе лучше не быть моей матерью, иначе я тебя ненавижу. Ты обманула меня! Ты сказала мне, что я Смерть, сильная и могущественная. Ты сказала, что все, что нужно это довериться Древу Жизни, но сегодня этот мальчик обманул меня. Он не умрет, а я Смерть, мама! Если Смерть не может убить его, тогда, что может?

-Просто дыши, милая,- мать Шапочки вошла в комнату и осторожно подошла к ней. -Я могу всё объяснить.

-Я не хочу твоих объяснений,- всхлипнула Шапочка. -Почему ты не объяснила до того, как это произошло? Ты знаешь, как сильно я беспокоилась об этом мальчике? Я провела день с ним, пытаясь заставить его чувствовать себя лучше, а потом, он оказался кем-то настолько... злым. Ты не представляешь, как я себя чувствую. Я беспокоилась о том, кого должна была убить и тогда он не умер и в ответ, чуть не убил меня. Это все крутится в моём мозгу. Я не хочу быть Смертью. Я хочу быть... глупой шестнадцатилеткой.

Мать Шапочки села рядом с ней и медленно отодвинула одеяло, прислушиваясь к безобидным проклятиям милого гнева своей дочери. Завораживало то, насколько Смерть была невинна, как она беспокоилась за мальчика и теперь была расстроена из-за запутанных чувств, которые она испытывала. Она должна была знать, кем она была на самом деле и что она значила для мира. Когда гнев Шапочки утих, она не нашла места лучше, чем объятия матери, чтобы положить голову, она не знала других рук, котрые бы могли её утешить.

Дети рядом со мной тоже начали всхлипывать.

-Соберитесь! Я имею в виду, черт возьми, все вы, - сорвался я. - Разве я учил вас так сочувствовать?

-Она всего лишь молодая, взрослеющая девушка,- сказала мне почти беззубая девочка. -Это несправедливо. Почему она должна быть Смертью?

-Замолчи! - Я выпустил огонь из своих ушей. Как они собирались стать будущими дьяволами мира? Черт, мне нужно было уменьшить веселье здесь и установить некоторую дисциплину.

-Всё в порядке,- Мать Шапочки погладила дочку. -Взрослеть чертовски трудно. Всё в порядке, Шапочка.

-Не ругайся, мама,- Шапочка ударила мать нежным, ослабленным кулачком. - Ты не должна ругаться при мне.

-Прости, милая, - мать Шапочки погладила её волосы. - Давай я приготовлю тебе твой любимый суп из ослиной шкуры, а потом расскажу всё, что тебе нужно знать.

Всхлипывая, Шапочка подняла голову и повернулась к матери, а затем произнесла слова, которые разбили вдребезги сердца детей, -Мне жаль, что я испортила свою работу, я не смогла убить того мальчишку, - сказала она.

Меня поразило, что она все еще хотела сделать все правильно. Была ли это настоящая причина, по которой Шапочка была расстроена, потому что она сделала это неправильно? Беспокоилась ли она о том, что ее обвинят больше, чем о несчастьях, которые она пережила?

-Всё в порядке, Шапочка, - её мать вытерла последнюю слезу со щеки. -Тебе не нужно делать всё правильно. Ты всё ещё учишься.

-Но я Смерть,- сказала она таким тоном, который подразумевал, что на самом деле она всё еще не верила в себя. - И я должна заботиться о равенстве каждого.

Прежде чем детишки разразились неконтролируемыми слезами, мне пришлось отобрать хрустальный шар, накричав на них всех. Это, иначе я бы завтра сменил вывеску на дверях "Ад" и заменил ее на ту, где написано "Детский Сад". Вот почему я запретил читать любовные романы в Аду. Такие книги заставляли их сердца смягчаться, и это не помогало в нашей работе.

- Но зачем ты убрал хрустальный шар? - воскликнул какой-то ребенок. - Мы хотим знать, кто такой Дудочник.

- Если это все, что вы хотите знать, - вздохнул я. - Я могу рассказать об этом без всех этих банальных и эмоциональных девчачьих моментов. Соберитесь вокруг меня. Я расскажу вам историю Дудочника.

- Но ты никудышно рассказываешь истории, - прокомментировал ребенок.

- Правда? - задумался я. - Разве я не читаю вам сказки о покойниках каждый вечер?

- Они вызывают у нас ночные кошмары!

— В этом же весь смысл! — рявкнул я. Как же я облажался с воспитанием этих детей? — Короче, если хотите узнать про Крысолова и рассчитываете обойтись без кошмаров поутру, то вы глубоко заблуждаетесь, — я глубоко вздохнул. — Так вы хотите услышать историю Крысолова или как?

Все детишки опустили головы и сгрудились вокруг льда — жара у нас полно, а когда мы устраиваем привал, то собираемся вокруг ледышек. Все приготовились слушать. Мне нравилось, когда я всё контролирую. Тупые дети. И кто вообще мечтает заводить детей?

— Сначала давайте о кое о чем договоримся, — сказал я им. — Всё, что вы до сих пор знали о Крысолове — ложь, а все, что вы читали в тех учебниках истории — ложь в квадрате. Я открою вам правду о Крысолове: кто он такой, что он натворил, почему он стал тем, кем стал, и как он связан с Шапочкиной Крысой и Черной Смертью. Я даже

подкреплю свой рассказ фактами из известных книг, поэм и детских стишков, но если вам потом приснятся кошмары — не пеняйте на меня.

- Продолжай, - сказал один из детей. - Мы никого не боимся. Нам приходится иметь с тобой дело весь день!

Я почесал в затылке. Надо бы придумать, как поднять свою популярность среди учеников, но разбираться с этим придется потом.

— Ладно, начнем, — сказал я. — Вы готовы?

- Ты слишком много болтаешь. Расскажи нам историю Дудочника!

И я начал — с самой раздражающей, но горячо любимой детьми первой строчки на свете...

* * *

Жил-бывал в стародавние времена в небольшом городке Гамельн в Вестфалии — за много веков до появления на свет Королевства Скорби — тихий и мирный народец. Самые обычные люди: крестьяне, плотники, кузнецы и прочий рабочий люд. Они горбатились на изнурительных работах, едва сводя концы с концами и уповая на сладкие сны, дававшие им силы проснуться на следующий день.

Солнце благоволило гамельнцам и нежно любило их. Оно улыбалось им каждое утро и с сожалением прощалось по вечерам. А луна — когда она еще была прекрасной девушкой самозванкой, а не самозванкой — заботилась о том, чтобы их ночи были надежно укрыты от теней, таящихся во тьме. Историки утверждали, что солнце, луна и сама земля держали сторону Гамельна и желали ему только добра. Все, кроме судьбы — а у той имелись пауки, сплетавшие для Гамельна куда более мрачное будущее. Паутина судьбы была удушливо прочной. Спорить с судьбой решались немногие — и у большинства при этом просто не находилось слов.

Изначально Гамельн был Монастырем. Там обитали монахи и монахини, нашедшие в этом уединении собственный Эдем, сбежавший от бродящего по миру зла на крошечный клочок земли, куда еще не ступала ни одна нога. Они чувствовали себя Робинзонами Крузо, высадившимися на берег неизведанного острова после скитаний по бушующему морю безумия, начавшими новую жизнь и держащими демонов на безопасном расстоянии.

Шел самый разгар XIII века, когда монахи обрели в Гамельне покой и спасение. Годы спустя им захотелось завести семьи, но древние религиозные уставы запрещали им вступать в брак. Им требовались пришельцы из внешнего мира, желательно добрые сердцем мужья и жены, не осквернённые злом, что кишело во внешнем мире.

Но как разглядеть добро или зло в человеке с первого взгляда? Ни монахи, ни монахини ответа не знали.

Основатели — так они себя называли — тоже были бедны. Большинство из них не работало и не имело средств на путешествия, чтобы проверить, не стал ли мир за стенами обители хоть капельку лучше, не убивает ли там человек брата ради чужой жены.

Порой через городок брели путники, утоляя голод скудной снедью, что подавали гамельнцы, и ночевали перед тем, как снова пуститься в путь. Городок был скучным, и задерживаться здесь ни у кого желания не возникало. И все же перед уходом большинство странников задавали странный вопрос:

— А не знаете ли вы каких-нибудь добрых старых сказок на ночь?

Кэмерон Джейс - Дети из Гамельна
Cameron Jace - Children Of Hamlin

Основатели Гамельна впадали в ступор: с какой стати путники решили, что они обязаны знать сказки?

— Вы же монахи да священники, — заискивающе ухмылялся проходящий мимо ротозей. — Должны же вы знать кучу историй о мужестве и мудрости древних времен.

Разумное предположение, вот только библейские сюжеты никого не развлекали, потому что странники и так их знали.

— Жаль, что вы не знаете сказок, — вздыхал путник. — Знай я их, с радостью заплатил бы за пару историй.

Основателей поразила сама мысль о том, что человек может платить за историю (некоторые историки утверждали, что именно этот момент подкинул кому-то идею продавать книги). Неужели искусство рассказывать истории настолько ценно и важно для человеческой психики, что за них готовы платить звонкой монетой?

Основателям, не покидавшим своих стен в страхе перед внешним злом, было трудно ответить на этот вопрос. Они не понимали, что зло служит единственным способом для человека осознать истинное добро, и что сказки раз за разом исследуют эту вечную тему.

К счастью, в Гамельне нашелся один человек, знавший сказки о драконах, принцессах и благородных рыцарях. Это был самый обычный парень, чистивший монастырь — сами монахи такой грязной работы не выполняли, они целиком посвящали себя молитвам и несбыточным мечтаниям.

Истории этого малого завораживали: в них фигурировали драконы, замки, далекие королевства, короли и королевы, зачарованные принцессы и поцелуи истинной любви.

— Откуда тебе известны такие истории? — спросил его один из основателей.

— Я их вижу во сне, — ответил бедняга с серебряным зубом. Когда-то давно основатели подобрали его сиротой, и с тех пор он жил при монастыре.

Правда заключалась в том, что парень лгал. Никакие сказки ему не снились. Он их выдумывал — ведь именно так истории и рождаются.

Он лишь старался делать так, чтобы его рассказы отзывались в сердцах слушателей и были населены милыми, понятными героями. Бедняга был прирожденным лжецом — весьма искусным — и про себя гордо называл себя «сказителем прекрасной лжи».

В конце концов сказки принесли в Гамельн деньги и привлекли чужаков, пожелавших поселиться вокруг городка. Из скромного монастыря выросла деревенька, затем поселок, а после и маленький городок, где все жили долго и счастливо.

Хотя у священников по-прежнему не было способа удостовериться в добродетели новичков, они уяснили для себя одну вещь: истории обладают удивительной силой собирать людей у костра и дарить всем душевное тепло.

Это было неповторимое чувство — когда границы между добром и злом, правильным и неправильным, «нами» и «ними» рушатся под воздействием историй. Эти маленькие фантазии и чудеса объединяли людей разных культур и взглядов. Сказки уносили слушателей в Персию, к ледяным просторам Арктики и к песчаным барханам Ближнего Востока. Что еще лучше, некоторые сюжеты переносили их в места, которых отродясь никто не видывал. И всё это волшебство совершалось без единого шага с места, без выезда из Гамельна и порой вовсе без гроша в кармане.

Кэмерон Джейс - Дети из Гамельна
Cameron Jace - Children Of Hamlin

Основатели Гамельна обрели мир не через проповеди религиозных догм, а благодаря дурацким сказкам, начавшимся с одного простого человека и его безобидной лжи.

Сменялись поколения, росли семьи. И пусть Гамельн оставался маленьким и примитивным, в головах его граждан он казался необъятнейшей империей на свете благодаря буйству фантазии.

Единственным минусом был новый закон: гамельнцам строго-настрого запрещалось куда-либо уезжать, а тот, кто все же решался, лишался права на возвращение. Основатели радовались притоку новых граждан, но боялись, что поездки во внешний мир заразят кого-нибудь грехом.

Один раз в Гамельне — навсегда в Гамельне.

Местных этот закон устраивал. Население росло, семьи полнились детьми — солнышком каждого дня и луной каждой ночи. Ребятишки играли и резвились, питаясь небылицами. Их воображение не знало границ, и они даже шутили, будто однажды проснутся и увидят замок, вознесшийся прямо в небеса.

У въезда в Гамельн красовалась вывеска, возвещавшая, что у них все абсолютно превосходно и никакие новехонькие соседи им даром не нужны, большое спасибо. Но, как вам прекрасно известно, когда все слишком хорошо — рассказывать не о чем. Именно поэтому в каждом счастливом городке должно произойти что-то дурное, иначе слушатели сочтут историю скучной. Эта дурная весть нагрянула в тот самый день, когда один из гамельнских детишек заметил в траве шныряющее создание…

То было потрепанное существо, стремительно бежавшее на четырех лапах, словно вместо них у него крутились колеса, и издававшее забавный писк, напоминавший неведомый язык. В общем и целом — вполне симпатичный зверек с хвостиком.

Ребенок бросился в погоню, перевернув вверх дном мамину кухню и ликуя, что раздобыл новую игрушку. Мать отругала его за устроенный кавардак, но мальчишка все же поймал зверька. Он не мог оторвать глаз от забавной мордашки с любопытным носом-пятачком и кусочком сыра в лапках.

— Мама! — завопил мальчик, раскачивая зверька за хвост, как маятник. — Смотри, кого я поймал! Какое прелестное животное. Назову его Носастиком, потому что у него милый нос!

Меньше всего ребенок ожидал, что мать с визгом бросится бежать по улице, едва завидя крошечного мистера Проныры. Мальцу казалось, что Проныра выглядит дьявольски мило и идеально впишется в мир их фантастических историй.

Но нет. Его мать кричала посреди узких улочек Гамельна:

- Крысы! Крысы! Крысы!

Тут-то паренек сообразил, что мистер Проныра вовсе не так уж дружелюбен и мил. Более того — он далеко не одинок. Напротив, все его приятели повысовывали носы из сковородок, щелей в стенах, из-под кроватей, из кубиков сыра и даже из отцовского кармана брюк.

Мальчик последовал примеру матери и тоже завопил:

— Спасите, крысиный бунт! Ужас!

Историки склонны спорить, что именно тогда было изобретено слово «ужас», но доказать это некому. В конце концов, история полна лжи и всяких ужасов.

Дружки мистера Проныры были крупными и черными. Они издавали жуткие звуки, похожие на перешептывание целой армии копошащихся тварей. Шепот перерос

в ропот, ропот — в мощный гул, и из каждого дома повалила эта серая масса. Они испустили оглушительный писк, от которого кровь стыла в жилах.

Гамельн подвергся вторжению.

Крысы кусали собак, пожирали кошек, раскачивали люльки с младенцами и сжирали сыр (люди голосили «сыыыр!», но никто не утверждал, что это придало слову какой-то зловещий оттенок).

Три дня спустя основатели собрались на экстренный совет в ратуше. Пришлось признать очевидное: ради спасения придется впервые за века обратиться за помощью к внешнему миру.

Ни один житель Гамельна понятия не имел, как бороться с заразными чумными крысами. В том, что касалось докторов, лекарей или учителей, в Гамельне имелось от силы по штуке каждого специалиста, и никто из них не смыслил в подобных катастрофах ровным счетом ничего. Доктор заявил, что крысы смертельно опасны, и чем дольше они останутся, тем быстрее распространится зараза — парочка детей уже подхватила лихорадку, покрывшись красноватыми пятнами. От крыс разило за версту, и ходили слухи, будто карманы, набитые цветами, перебивают зловоние в воздухе и спасают от заразы (парфюмерию в Гамельне еще не изобрели). Три дня спустя один из заболевших детей скончался.

Без посторонней помощи было не обойтись — иначе чума выкосила бы всех до единого, зарыв в могилы вместе со всеми их чудесными сказками.

Но поскольку основатели Гамельна упрямо держались за свои правила, они решили предпринять последнюю попытку, прежде чем отправлять гонца в большой мир. Они взмолились о помощи — так же истово, как просят дождя в засуху. Вот только у них не было заготовленной молитвы от крыс, потому что они не ведали, что такое крысы. Проделки ли это зла, демонов или кара грешникам? Они не имели ни малейшего понятия.

Поскольку я — дьявол, цитировать саму молитву мне не положено. Могу лишь сказать, судя по дальнейшим событиям, либо молитву прочли столь коряво, что оскорбили богов, либо Гамельн был окончательно проклят, и никакие мольбы ему уже не помогли бы.

Основатели и горожане улеглись спать, уповая на ниспосланное небесами чудо назавтра.

Ночь выдалась странной.

Хоть музыка в Гамельне строго запрещалась, их сны заполнились странными, навязчивыми мелодиями. Большинство проснулось в холодном поту посреди ночи, ощущая, что стряслось нечто ужасное.

Аут утром они проснулись под чарующие звуки флейты незнакомца. Основатели забили тревогу: это был в точности тот самый мотив, что мерещился им во сне.

Они вскочили с постелей, потрясенные сладкими звуками, которые тут же окрестили «Голосом Дьявола». Слушать музыку считалось грехом, и ее следовало избегать любой ценой.

Теперь мне придется сделать паузу в рассказе, чтобы отрыгнуться или помереть со смеху. Знаю, вам не терпится узнать, что было дальше, но я просто не могу сдержаться. Музыка — голос Дьявола? Это что же, мой голос, которым я вам сейчас это рассказываю? Какая патетика, типично человеческая манера сваливать на меня всё, что им не по нраву! А знаете ли вы, что я даже на музыкальных инструментах играть не умею? У меня лапки.

То есть, я в этом нуль. Когда я был ребенком — поверьте на слово, я ведь тоже был ребенком там, на Небесах — ангелы наотрез отказывались давать мне инструменты для школьных выступлений перед родителями. Когда я начал настаивать, мне сунули старый барабан и велели стучать по нему, как безумная макака. А когда обнаружили, что у меня по-прежнему ни капли слуха, решили выдать треугольник. Знаете этот металлический треугольный инструмент, по которому бьют железной палочкой? Он почти не издает звуков и едва различим на фоне остальных оркестрантов. Я просиживал те концерты со смертельной скукой, время от времени звякая в свой треугольник, точно спесивый дворецкий в замке, созывающий господ к обеду.

Короче говоря, никакой музыки у меня нет. Я не использую ее, чтобы убаюкивать людей, и вообще считаю все эти звуки шумом и штампами, особенно любовные песенки, коих в мире большинство.

Уф. Рад, что вы выслушали мою тираду. Вернемся к пришельцу, что пожаловал в Гамельн...

В тот странный день местные детишки заворожено прислушались к музыке, какой прежде никогда не слышали.

— Как рождаются такие дивные звуки? — удивлялись они.

Основатели цыкнули на них и строжайшим образом приказали не покидать домов, пока они не разберутся с чужаком, пришедшим аккурат на следующий день после их молитв о помощи.

* * *

Незнакомец был облачен в пестрые одежды, каких в Гамельне сроду не видывали; все называли его наряд «пёстрым».

Для немилосердно редких образованных гамельнцев этот Дудочник выглядел точь-в-точь как персонажи из старых исторических книг. В нем признали шута, блаженного или арлекина — забавных кривляк, чья единственная работа заключалась в развлечении королевской четы. Велись споры, существовали ли такие люди на самом деле или это плод фантазии историков, хотя уважаемые авторы вроде Шекспира упоминали шутов в своих пьесах, называя их шекспировскими дураками.

Один из основателей напомнил остальным, что пестрые одежды Дудочника подозрительно смахивают на карты Таро, а те издревле считались делом рук ведьм и дьяволов — впрочем, мои уста запечатаны, комментировать это я не стану. Флейтист тревожил отцов города. Им чудилось в нем воплощение какого-то неведомого зла, особенно учитывая то, что он играл «Голос Дьявола».

И все же беззаботная осанка и лучезарное жизнелюбие Дудочника на миг смягчили гнев старейшин, особенно когда он заявил, что способен разрешить их крысиный кризис.

Кое-кто из местных принялся утверждать, что странник послан с Небес и стал ответом на их молитвы. Основатели по-прежнему не доверяли ему, находя в нем все приметы зла, от которого они и бежали в Гамельн.

В конце концов, они потребовали, чтобы он прекратил играть и спрятал свою дудочку от зачарованных детских глаз и ушей.

— Ты утверждаешь, что можешь спасти нас от крыс? — вопросил один из основателей Дудочника.

— Разумеется, — отозвался Дудочник.

— Каким образом? Знаешь ли ты молитву, заговор или божественное слово, способное умертвить крыс?

— С чего бы божественному слову кого-то убивать? — удивился Дудочник. — Бог ведь милосерден, не так ли?

— Я не это имел в виду, — пожал плечами старейшина. — Я спросил, владеешь ли ты словом Божьим, способным изгнать крыс так же, как псалом изгоняет духов из проклятого дома.

Дудочник весело рассмеялся. К его шляпе был привязан крошечный бубенец, звонко звякнувший, когда он склонил голову набок. Это добавляло ему чудаковатости и таинственности.

И все же в его жизнерадостности сквозило нечто зловещее. Точь-в-точь клоуны — они такие забавные в своем дурацком гриме и с театральными ужимками, пока не открывают рта. Пугают ведь не сами слова. Пугает то, что у каждого клоуна есть клыки — вы же знаете, что у всех клоунов есть клыки, да?

— Над чем это ты смеешься? — нахмурились основатели.

— Ни над чем особенным, — бросил Дудочник. — Разве смех стал грехом?

— Когда он неуместен и беспричинен — да, — кивнул основатель.

— Ах да, дурак я, дурак, — Дудочник попытался принять почтительный вид, но бубенец на шляпе звякнул снова, и воспринимать его всерьез стало еще труднее. Какая-то монахиня на галерке едва не прыснула со смеху, но вовремя сдержалась, чтобы не проявить неуважение к совету. — У меня есть способ попроще спасти ваши души, — произнес Дудочник. — Мне не нужны ни амулеты, ни заклинания, чтобы выманить крыс из вашего городка, — он снова извлек свою флейту. В ответ один из основателей сунул ему под нос распятие. — Это всего лишь безобидная дудочка, а не кровососущий демон, — мягко заметил Дудочник, и перепуганный мужчина откинулся на спинку стула. — Стоит мне затянуть на ней определенный мотив, и крысы пойдут за мной куда угодно.

— Чушь собачья, — изрек другой старейшина.

— Погодите-ка, — подала голос пожилая монахиня сзади. — Но ведь это логично, что Музыка Дьявола должна привлекать мелких пищащих демонов. Очень даже логично.

— Какая вы сообразительная, матушка, — похвалил Дудочник. Он явно не собирался спорить. Доводы, сколь угодно причудливые, были для него лишь средством достижения цели; похоже, он просто сидел на мели и нуждался в работе ради звонкой монеты.

— Ладно, — сказал один из основателей. — Доводилось ли тебе провожать подобное прежде? Есть ли опыт для такой работы?

— Полагал, вы никогда не спросите, — расплылся в улыбке Дудочник, декламируя стихи будто по бумажке: — Прошлым летом я с гордостью избавил царство Тартарию от полчищ назойливой мошкары, — он раскинул руки, словно собираясь пуститься в пляс. — И спас азиатское царство от чудовищного выводка летучих мышей-вампиров при помощи моей музыки. Стоило мне заиграть, как все мыши последовали за мной, покуда я не привел их к вулкану, где они расплавились насмерть.

— Вампиры? — переспросил основатель. — Что еще за вампиры?

Хотя вампиры действительно существовали, в XIII веке о них мало кто слыхал (и не верьте тому бреду, будто Дракула — отец всех вампиров. Бедняга был такой же

жертвой обстоятельств). А вот как зарождался вампиризм — совсем другая история, толику которой вы узнаете к концу этого рассказа.

Дудочник принялся расписывать вампиров (причем упорно настаивал на написании «вампиры» через «у»). К удивлению, основатели поверили в существование этих демонов — вероятно, потому, что свято верили во вселенское зло, царящее за пределами Гамельна.

Здесь мне хотелось бы заметить, что все до единого события, о которых я вам поведал, так или иначе задокументированы в исторических хрониках. Иные факты упомянуты вскользь — как шекспировский шут, — другие описаны во всех подробностях. Все, что Флейтист рассказал о своем прошлом, годы спустя изложил английский поэт Роберт Браунинг. Именно он написал самую знаменитую поэму о Крысолове, которую дети учат в школе, не утруждая себя чтением между строк, чтобы понять, на что же намекал Браунинг.

Вот как поэт описал прошлое Флейтиста в своей поэме:

В Тартарии спас от комаров
Я хана в прошлые года,
И от летучих вампиров
Азию избавил навсегда.

Как я уже говорил, всё сказанное Дудочником о его прошлом было чистой правдой вплоть до этого момента.

В конце концов основатели ударили по рукам с Дудочником: он уводит мерзких крыс и топит их в ближайшей реке за городом. Если честно, будь я на месте священника или монахини, я бы точно не стал сплавлять заразных крыс по течению реки. Каково было бы мне узнать месяц спустя, что чума выкосила соседнюю деревеньку? Разве я не говорил вам, что глупость — восьмой смертный грех?

— Я хочу девяносто девять монет вашей чеканки, когда завершу свой шедевр, — потребовал Дудочник.

— Шедевр? — нахмурились основатели.

— Я собираюсь сыграть невыразимо соблазнительную мелодию, чтобы увести крыс. Именно это истинные художники называют шедевр.

— Называй как хочешь, лишь бы избавил нас от крыс-демонов, — старейшинам было плевать на то, что Флейтист — артист, изысканный музыкант, способный творить музыкальные чудеса, которые даже столетия спустя будут не по силам всяким там бетховенам. Слыхивали вы когда-нибудь, чтобы Моцарт выдул из города эпидемию? Дудочник был великолепным творцом в те времена, когда его исцеление клеймили «Голосом Дьявола».

— Девяносто девять, так девяносто девять, — основатели ударили по рукам с Дудочником. Тот даже прикрыл глаза и притворился, будто молится вместе с ними, дабы скрепить сделку благословением.

— Раз уж мы ударили по рукам, — снова воодушевился Дудочник, — напомню вам, отцы Гамельна, что вы дали клятву и теперь обязаны заплатить музыканту, когда дело будет сделано, — он гордо ткнул себя пальцем в грудь.

— Жители Гамельна всегда держат слово, — заверили его основатели, хотя по их лицам было видно, как сильно они тяготятся музыкой, которую он только что исполнял.

Дудочник извлек свою пятидырочную флейту, а основатели тут же зажали уши руками.

— Никто больше не ценит искусство, — вздохнул он. — Что ж, давайте выманим крыс. Крыс-тата, крыс-тата! — ему нравилась эта фраза, потому что она одновременно напоминала и о музыке, и о крысах. — Крыс-тататата, тататата! — он притоптывал ногами и замурлыкал танго.

До этого момента в истории, я бы сказал, Дудочник, возможно, когда-то и был добрым и веселым малым, но поскольку никто толком не знал, кто он такой и откуда взялся, думаю, вероятность того, что в душе он был хорошим человеком, навсегда останется погребенной в прошлом. Я собираюсь рассказать вам лишь о том, кем он стал после, а вот кем он был до — поручиться не могу.

Дудочник вышел на улицы в своих остроносых туфлях, притоптывая в такт мелодии и улыбаясь. Его щеки надувались, когда он виртуозно вдувал воздух в дудочку. Детишки начали выглядывать из окон, из-под постельных простыней и с верхушек можжевельников, чтобы послушать чудесную музыку, которую он выводил.

Любопытство обуяло не только детей, но и крыс — те тоже принялись громко пищать в унисон его мелодии.

Стены домов и трубы заходили ходуном, и над Гамельном поплыл медленный гул. Казалось, вот-вот извергнется вулкан и сотрет с лица земли всё, чего они так упорно добивались. На самом деле это тысячи крыс следовали за флейтистом по улицам.

Крысы шныряли из нор, покрывая землю черным цветом, словно гигантский колючий ковер. Земля дрожала, а Дудочник играл все быстрее. Мелодия настолько пропитывала воздух, что некоторые клялись, будто видели ее волны собственными глазами. Этот мотив превосходил любые сказки, которые они пересказывали друг другу, ибо то, что они лицезрели, было одной из самых невероятных историй из всех, когда-либо рассказанных, — и при этом самой настоящей.

Основатели презирали мелодию Дудочника, но возразить не смели, наблюдая, как крысы бегут прочь, словно в день Страшного суда. Дети были гипнотически зачарованы звуками, будто одурманенные галлюцинациями радости и веселья.

Шаг за шагом, нота за нотой, вздох за вздохом Дудочник вел крыс по улицам Гамельна, через холм и дальше, на другой склон, пока они не добрались до реки Везер, где он их и утопил — возможно, предварительно отравив немецкие воды на долгие годы вперед. Кто знает, может, и Гитлер хлебнул из этой речки, отчего у него кукушка и поехала.

Дьявольская музыка сработала безотказно, и крысы навсегда покинули Гамельн, но то, что должно было стать концом всех страхов, обернулось лишь началом бесконечных слез.

Дудочник вернулся в Гамельн за своим гонораром, но вместо того, чтобы встретить его с распростертыми объятиями и почтить как героя, на него набросились с упреками и унижениями.

Выяснилось, что отцы Гамельна решили ему не платить: избавившись от напасти, они осознали, что совершили страшный грех, позволив прозвучать в Гамельне Голосу Дьявола.

— О чем вы вообще говорите?! — в гневе воскликнул Дудочник. — Я спас ваши жизни от жуткой болезни, а вы поклялись сдержать слово и заплатить музыканту!

— То было тогда, а это сейчас, — отрезали основатели. — Ситуация критическая, раз демонов удалось изгнать из Гамельна лишь с помощью другого демона. Ты нас не спасал. Это сделал Господь, потому что мы — добрые люди. Даже если ты и спас нас, нам теперь придется годами расхлебывать нежелательные последствия.

— Последствия? — Дудочник почесал в затылке, изо всех сил стараясь звучать так же жизнерадостно, как прежде. — Например, отсутствие крыс? Здоровая и процветающая жизнь? Какие еще последствия?

— Наши дети одержимы твоей дьявольской музыкой и день и ночь напевают этот мотив. Кажется, будто дьявол проклинает нас на каждом шагу.

Ох, как же я жалею, что меня там не было! Я бы хохотал до конца своих дней. Интересно, чем я вообще занимался в 1284 году?

— Вы ничего не понимаете, — сказал Дудочник. — Если вы и совершили какой-то грех, так это то, что не заплатили музыканту.

Дудочник ушел. Возможно, с пустыми руками и без гроша в кармане, но сердце его было преисполнено черноты и ненависти к Гамельну. Когда он удалялся, один из основателей осмелился обвинить его в том, будто он сам привел крыс в Гамельн — мол, это был фокус такой, кочуя из города в город, предлагать свои услуги и вымогать деньги.

Дудочник был раздавлен. Его одурачили люди, которые вовсю кичились своей преданностью Богу. Он недоумевал, за что они так с ним поступили? Неужели на его шутовском наряде крупными буквами было написано «дурак»? Неужели его веселый нрав и манера одеваться унижали его в глазах окружающих и позволяли им пользоваться его добротой?

Единственными, кому был дорог Дудочник, оставались дети. Они прижались носами к стеклам окон, а по их щекам катились слезы.

Дети махали Дудочнику вслед, но он их не видел.

Они всхлипывали, оплакивая его, но и этого он не заметил.

Они беззвучно шевелили губами, повторяя его мотив — из страха перед наказанием за громкое пение, — но он не слышал их и уходил прочь, одинокий и побежденный.

Знай Дудочник хоть секунду, что дети о нем заботятся, мир был бы избавлен от того зла, что он обрушил на него позже. Ах, если бы.

Дудочник не видел их, потому что, подобно тем крысам, его самого уже поразила и зачернила несправедливость — слово, которое так легко произнести, но с последствиями которого так тяжело жить. Демон мести уже завладел его сердцем. Рак несправедливости сожрал его некогда радостную душу, оставив после себя лишь пустой каркас скелета, который больше никогда не сможет испытывать сострадание к людям — да и к чему бы то ни было еще.

Пока Дудочник уходил, за ним следовала таинственная сорока — до сей поры никто так и не ведал, что она собой представляет на самом деле.

Городок Гамельн благополучно забыл о Дудочнике, вернувшись к своему консервативному укладу жизни и время от времени пересказывая старые байки. И хотя все знали, что мелодии Дудочника накрепко засели в детских сердцах, об этом предпочитали не упоминать. Когда странники расспрашивали, как им удалось избавиться от крыс, гамельнцы отвечали: «Каких еще крыс?»

История с Дудочником была предана забвению, а сами они уверяли, что никакой напасти отродясь не видали.

Шли дни. Солнце светило и закатывалось вновь. Иногда шел дождь. Росли растения. Рождались младенцы. Люди умирали. Жизнь стала настолько монотонной, что тот день затерялся в памяти — точно так же, как бесчисленные эпизоды истории оказываются забытыми из-за греховного акта отрицания.

Кэмерон Джейс - Дети из Гамельна
Cameron Jace - Children Of Hamlin

Но демон прошлого вернулся, наводя ужас на Гамельн 26 июля 1284 года. Дудочник объявился вновь в день, который изменил ход мировой истории.

Стоял теплый, залитый ярким солнцем день. Гамельн праздновал приход лета. Всенародные гуляния, разговоры, смех — они уже давно позабыли, что само их выживание было чудом.

Дудочник вернулся во всем черном. Казалось, некогда сиявшая на небе радуга затмилась вечной тьмой. Его тело с головы до ног скрывал темный плащ, а лицо потопало в глубокой тени капюшона. Говорили, что когда он перебирал пальцами по своей флейте, пальцы его походили на скелет, а дети тотчас узнали его мотив — он звучал чуть иначе, но все равно оставался неотразимым, как сладость на крыльце ведьминого домика.

От одного взгляда на него замирало сердце и начинали подергиваться веки. Дудочник вернулся преисполненным первозданной тьмы, способным увлечь людей за собой прямо в пасть Ада под улыбки на их лицах. Лица его, впрочем, за чернотой капюшона разглядеть было нельзя. Он шел медленно, уверенно, отрешенно, и подол плаща волочился по земле, напоминая гамельнцам о кишевших здесь когда-то крысах.

Стоило ему заиграть, как сорока вспорхнула ему на плечо, создавая жуткий контрастный образ. Для человека, некогда облачавшегося во все цвета радуги, а ныне ряженого в траур, эта птица оставалась единственной пестрой деталью. Сороки — существа на редкость умные. Пожалуй, одни из умнейших птиц в мире, но при этом хищные и злобные, стоит их предать или обидеть. Эта птаха определенно подходила Дудочнику под стать.

Поначалу жители Гамельна замерли на месте с разинутыми ртами и вылезшими из орбит глазами. Затем основатели заголосили: новая мелодия отравляла их души еще до того, как достигала ушей. Этот мотив заставлял их носом идти кровью, а ноги намертво прирастали к мостовой. Песнь звалась Dance Macabre (Пляска смерти), но в тот день она была лишь наименьшим из их кошмаров.

Они воочию наблюдали, как их дети, словно лунатики, движутся к Дудочнику, послушно шагая за ним по улицам вслед за крысиной невидимой вереницей. Дети шли на цыпочках, вытянув руки вперед, как обезумевший от голода странник, зачарованный ароматом еды. Дудочник вел ребятню прочь из города, точно слепых мычат, и никто не ведал, куда лежит их путь.

Сердца матерей и отцов разрывались от бессилия: они не могли сдвинуться с места, чтобы спасти детей, ша навстречу своей неведомой участи с улыбками на лицах.

Дети Гамельна ничем не отличались от тех крыс — разве что были милыми, наивными глупышками, никому не причинившими вреда и никого не заразившими. Их единственной виной было упрямство предков, предавших Дудочника и отказавшихся ему заплатить. Сколько раз сыновьям и дочерям приходилось расплачиваться за грехи отцов?

Сто тридцать детей привел Дудочник к холму под названием Поппенберг. Сто тридцать душ заплатили цену за родительский грех. Сто тридцать сгинули без следа... все, кроме семерых детей, о которых в исторических книгах не упомянули ни слова.

26 июля 1284 года семеро детей из Гамельна спаслись от мести зачаровавшего всех Дудочника. Доподлинно никто не знает как. Одни утверждали, что эти дети обладали иммунитетом к его мелодиям; другие — что они были глухими, и музыка на них не действовала; третьи верили, что так было предначертано свыше; а кто-то

считал это способом мироздания восстановить баланс. Видите ли, у жизни есть свойство вечно стремиться к равновесию между добром и злом, даже если это получается у нее из рук вон плохо. По крайней мере, это рождает искорку надежды в океане отчаяния, напоминая нам, что в темной комнате всегда найдется крошечная щель, сквозь которую пробивается луч солнца, и лишь от нас зависит, сможем ли мы найти эту брешь, расширить ее и впустить целительный свет.

И да, с вами говорит сам Дьявол, потому что, хотя люди меня и раздражают, порой — подчеркиваю, порой — редкие человеческие особи поражают меня своей отвагой и силой духа. Таких я стараюсь обходить стороной: они для меня слишком крепкий орешек.

Но вот что важнее всего в этой истории: те семеро детей из Гамельна стали предками знаменитых «Семерых Пропавших».

А теперь сделайте глубокий вдох, откиньтесь на спинку кресла, закройте книгу, поправьте брови, сходите к зеркалу посмотреть на тот прыщик на лице или лучше сварите себе чашечку кофе. Дайте этой части улечься в голове, потому что дальше поездка станет куда более ухабистой. Мир покажется необъятной вселенной, которая в то же время невероятно сжимается, стоит вам соединить точки и осознать: все мы — лишь одна и то же бесконечно повторяющаяся в разных обличьях история.

Ну а теперь, когда ваш кофе пришелся вам по вкусу — надеюсь, он черный, как я люблю больше всего, — вы вполне можете спросить меня: кто же эта Семерка Пропавших? Почему они так важны и почему всплывают то тут, то там?

Поверьте, всё чертовски сложно. Некоторые зовут их Зачарованной Семеркой, другие — Семеро Пилигримов (что уже само по себе многое говорит об их истоках; «пилигримы» как намек на братьев Гримм, но об этом я толкну речь позже).

Главное, что вам нужно усвоить: они — потомки тех семерых детей Гамельна, которым удалось ускользнуть от Дудочника, и именно им было суждено сказать решающее слово в событиях Королевства Скорби много веков спустя.

Вскоре после инцидента с детьми Гамельна Дудочник вернулся в город в поисках спасшейся семерки. Разумеется, те к тому моменту уже бежали вместе со своими семьями. Местные жители, старейшины и отцы Гамельна наотрез отказались выдать Дудочнику их местонахождение. Они почитали это за свою маленькую победу над лицом зла.

Дудочник взбесился. Его месть оказалась неполной и бессмысленной. Семь детей ускользнули от его возмездия, и оставлять это безнаказанным он не собирался. Семеро ребятишек и их родня превратились в его заклятых врагов. Он поклялся выслеживать их самих, их детей и детей их детей до скончания веков.

В ярости Дудочник взмахнул плащом — всего один раз, точно крыльями летучей мыши, — и из-под него вновь брызнули крысы, возвращая в Гамельн чуму. Ту самую чуму, от которой он некогда их спас.

На сей раз вымерли все до единого за считанные дни.

Единственной целью Дудочника стало отыскать те семь семей, чтобы завершить месть. Он колесил по Лондону, Праге, Парижу и всей остальной Европе. Он не оставлял шансов. Стоило ему заподозрить, что они прячутся в каком-нибудь городишке, как он взбирался на холм, взмахивал плащом, усаживался на валун и принимался пиликать свою демоническую мелодию, пока крысы разносили смертоносную хворь. Его музыка превратилась в саундтрек голода, партитуру смерти и погребальные псалмы.

Вдобавок он проковырял на своей дудочке еще две дырочки вдобавок к прежним пяти. Это расширило диапазон доступных мелодий, и каждую новую дырку он мысленно воспринимал как могилу для одного из тех семерых.

Он не спал, не ел, не смыкал глаз, преследуя беглецов. Ему было плевать, что его чума косила по пути ни в чем не повинных людей. Он утратил способность к сочувствию, и человеческие лица напоминали ему лишь отцов-основателей Гамельна.

Он вышел на след женщины по имени Бьянка — матери Золушки и одной из семерых детей Гамельна. Он преследовал ее от итальянской Венеции до острова Мурано, а оттуда аж до самого Лондона. Когда он потерял ее след, ничто не помешало ему наслать крыс и предать город огню… то есть, мору.

Тысячи черных крыс наводнили Лондон, разнося заразу. В преддверии сумерек он стоял на холме, кутаясь в плащ, из рукавов которого торчали скелетоподобные руки, его глаза отливали золотом, полыхая изнутри яростным огнем, а затем он обрушил на землю проклятие:

— Дети Гамельна, — промолвил Дудочник под завывания ветра, закручивающегося воронкой к фиолетово-черному небу. — Я буду преследовать вас вечно, и лучше бы вам не дышать. Я убью вас своими мелодиями, я — Черная Смерть.

Пожалуй, излишне напоминать, что Черная Смерть стала одной из величайчайших эпидемий в истории, унесшей жизни миллионов людей по всей Европе.

Историки будут мямлить и путаться в показаниях, уверяя, будто причина Черной Смерти осталась тайной за семью печатями. Пусть поют и пляшут. Историки вообще ни черта не смыслят в истории. Тогдашняя наука и медицина понятия не имели о том, что ныне именуется бубонной чумой — тяжелейшей и смертельной инфекцией, которую обычно переносят крысы, обладающие сверхъестественным талантом распространять заразу. Лишь Дудочник обладал силой породить ее и проклинать Европу на протяжении десятилетий в поиски семерых детей Гамельна и их потомков.

Чума была заразительной и неизлечимой. Лекари расписывались в собственном бессилии и гибли следом. Дома метили красной буквой Х, означавшей, что обитатели заражены. Покидать жилища возбранялось, а осмелившихся нарушить запрет разрешалось убивать на месте. Семьи рушились: родители бросали больных детей, мужья оставляли недужных жен. Спасения не было, ибо чума и являлась самой смертью. Те же, кто пытался бежать, лишь усугубляли дело, разнося заразу дальше.

Дудочник стоял на холмах окрест сел и городов, ухмыляясь, взмахивая черным плащом, выпуская полчища черных крыс в сопровождении своей пестрой сороки, после чего прикуривал сигару и предавался курению.

— Пепел к пеплу, прах к праху, — ухмылялся он ветру. — Семерка сгинет, ведь так суждено.

Трупов скопилось столько, что рыть могилы стало некому. Пришлось выкапывать гигантские рвы, куда скидывали сотни тел разом, предавая их огню.

— Прочти молитву, задержи дыхание, — говорил Дудочник. — Прежде чем явлюсь я — Черная Смерть, — он запаривал новую сигару, наблюдая, как очередной городок обращается в пепел.

Спустя годы, когда мор утих, молодые девушки бродили по пепелищам европейских городов, напевая песенку, повествующую о пережитой катастрофе. Словно кто-то специально вложил им эти слова в уста, чтобы донести правду до грядущих поколений.

Девчонки стучались в двери, и если вы подавали им шесть пенсов, они отбивали ритм ногами и пускались в пляс, распевая:

Вокруг розового куста хоровод,
Карманы полны букетов цветов,
Пепел, пепел,
Все мы падаем ниц.
Вокруг розового куста хоровод,
Карманы полны букетов цветов,
Апчхи, апчхи!
Все мы падаем ниц.

Родители напевали этот детский стишок своим малышам, не ведая, о чем он на самом деле. Я пока умолчу о том, кто именно заставил их петь эти песни, но скажу одно: стишки намеренно сделали детскими и легкомысленными, чтобы они без труда ускользнули от внимания тех, кто впоследствии переписал историю в собственных интересах. Чертовски умный способ гарантировать, что правда никогда не умрет.

Строчки о розовом кусте намекали на те самые круглые красные пятна-сыпь, которыми покрывались жертвы чумы. Карманы, полные цветов, описывали благовония, которыми пытались заглушить зловоние мертвецов (считалось также, что чума передается через дыхание и цветы отпугивают хворь).

«Пепел, пепел» описывал сотни сожженных тел. «Все мы падаем ниц» — те самые глубокие рвы, вырытые для захоронения умерших. А «апчхи-апчхи» — чихание, предвещавшее болезнь.

Секреты и тайны мировой истории веками слетали с уст невинных детей.

Однажды люди проснулись, и чума исчезла. Неужели Дудочник бросил поиски Семерки Пропавших? Едва ли, но его исчезновение осталось загадкой. Быть может, он встретил достойного противника — равную силу добра, которая убаюкала его. Правда в том, что никто не знал, куда он делся и почему прекратился мор.

Историки, будучи по обыкновению заблуждающимися глупцами, уверяли, будто людей перемерло столько, что заразе просто не осталось живых носителей. Другие утверждали, будто крысы в конце концов сами заразились чумой и передохли, как все прочие. Историки во многом похожи на ученых: большинство их утверждений рано или поздно опровергается кем-то другим.

Исчезновение Дудочника продлилось около четырех веков — до тех пор, пока он не восстал вновь, чтобы в 1600-х годах обрушить на Европу еще более жестокую эпидемию. Это вовсе не означало, что всё то время мир был свободен от его зла. Напротив, Дудочник оставил после себя более мрачный секрет: сто тридцать детей Гамельна (вернее, сто двадцать три, если не считать спасшуюся семерку).

Помните, я говорил вам, будто никто не ведал, что сталось с теми детьми?

Я знал. И Роберт Браунинг тоже знал.

Вот что написал он в своей поэме много-много лет назад, завершая пространное повествование о Крысолове:

В Трансильвании племя живет,
Что чужим нареченьем зовет
Странный нрав и одежды свои,
Что соседям претит и претит...

Дудочник не убивал детей Гамельна. Теперь, когда их сердца были запятнаны его убаюкивающей песней, они требовались ему для создания собственной армии тьмы.

Флейтист отправил ребятню в Трансильванию, где обитала зловещая сила в лице той самой Сороки.

Детали того, что стряслось с детьми в Трансильвании, займут слишком много страниц дневника. Всё, что вам нужно знать на данный момент: дети Гамельна, некогда сочувствовавшие Дудочнику, стали первыми в истории вампирами.

Пока Дудочник отсутствовал, они веками медленно распространяли свое учение, не заботясь о том, сочтут их мифом или нет. Вампиров было мало, и по всему миру на них шла охота. Они понимали, что на обретение силы и осознание собственной природы потребуются века.

Браунинг завершил свои отсылки к детям Гамельна в Трансильвании, упомянув отцов-основателей следующими строками:

К матерям и отцам восходя,Из подземных глубин выходя...

Если дело обстояло так, спросите вы, то каким же образом вернулся Дудочник?

Ответ — Элизабет Батори.

В XVII веке, когда Европа кишела здоровыми людьми, прославлявшими романтизм и искусство, Элизабет Батори привлекла к себе всеобщее внимание.

Элизабет убивала молодых девушек и купалась в их крови — кажется, я вкратце упоминал о ней, когда рассказывал о Кровавой Мэри. Позднее ее приговорили к смерти в замке в Трансильвании. Вот только никто не знал, что Элизабет была лишь потомком детей Гамельна — вампиром, которую поймали, выследили и якобы уничтожили.

Элизабет оказалась сильной наследницей Гамельна. Вместо того чтобы смириться с гибелью в заброшенной башне в обличье вампира, она докопалась до истоков своих предков и наткнулась на историю Дудочника.

Когда для Элизабет пробил смертный час, прабабушке Шапки приказали лишить ее жизни. Но Элизабет отыскала способ воскресить Дудочника, чтобы тот бросил вызов самой Смерти.

За те мириады душ, что Дудочник унес своими чумными эпидемиями, темные силы наделили его властью Смерти. Дудочник превратился в Черную Смерть, уничтожающую души раньше положенного срока и спасающую более мрачные создания, когда их час все же наступал.

Короче говоря, когда Элизабет воззвала к Дудочнику посредством запретного заклинания, темные силы обратили его в силу, противостоящую Смерти.

Дудочнику превосходил по мощи прабабушку Шапки; он вырвал Элизабет из лап Смерти, даровав ей бессмертие.

Позже, когда минули века, светлые силы мира осознали: с Черной Смертью не совладать с помощью Смерти Белой (которую олицетворяли предки Шапки, облаченные в белые плащи, как и их мать). Противостоять Черной Смерти могла лишь Смерть Красная — светлая душа, в которой таилось достаточно внутренней тьмы, чтобы дать отпор Дудочнику и его банде.

Шапка первой обрела лик Красной Смерти. До того инцидента в лесу она искренне верила, будто ее предназначение — лишь забирать жизни по велению Древа Жизни. Истина же куда масштабнее. Ей предстоит спасать те жизни, которые Дудочник забирает неправедно, и уничтожать тех, кого Дудочник сберег ради собственных злодейских целей — тоже противозаконно.

Когда мой рассказ подошел к концу, адские детишки уже вовсю заливались слезами. Я с удручением осознал, что из них вырастет худшее поколение дьяволов за всю историю. Впрочем, винить их сложно: неизвестная судьба Шапки затронула даже

меня. Не сопереживать ей было трудно. Ей предстояла собственная война, и легкой прогулкой она точно не станет. Ей придется балансировать между внутренней тьмой и добром, изо всех сил используя добро для выполнения долга, а зло — чтобы обрести мощь, способную сравниться с жестокостью Дудочника и его армии.

— А она победит? — робко спросил малыш.

— Едва ли нам понравится ее победа, если это случится, — поджал я губы.

— Почему? — подал голос другой.

— Потому что тогда проиграем мы, — ответил я. — Вы что, не понимаете? Мы — крутые плохиши. Мы на темной стороне, и когда прижмет, мы встанем плечом к плечу с Дудочником.

— Ненавижу тебя! — вспылил малой. — С какой стати нам быть на стороне Дудочника? Мы же любим Шапку!

В этот момент я всерьез задумался об увольнении. Кто вообще согласится трудиться в коллективе, где все подчиненные против тебя? Пришлось срочно выдать нечто убедительное, способное сманить ребятню на мою сторону, а не на сторону Шапки. Слова наконец слетели с языка, и их вкус мне определенно понравился

— Знаете что, малышня? — сказал я, опускаясь перед ними на колено. — Помните, я рассказывал, что Шапка стала Красной Смертью именно потому, что Белая Смерть оказалась недостаточно сильна против Дудочника?

— Конечно, помним. Короче говоря, к чему ты клонишь? Почему мы должны быть против Шапки?

— А мы и не должны, — я приложил палец к губам. — Быть Красной Смертью отчасти означает носить в себе великое зло, с которым приходится бороться ради сохранения добра...

— И? Ближе к делу!

— А что, если нам подбить Шапку перейти на нашу сторону? — я щелкнул пальцами, и в моих красных глазах блеснул золотистый отблеск. Просто для пущего эффекта.

— Гениально! — они восторженно вскинули ручки вверх. — Мы обожаем Шапку!

Должен признать, в тот момент на их мордашках впервые промелькнула поистине зловещая улыбочка. Горжусь своими сорванцами.

Конец приквела № 11

Примечание автора:

1) Я намеревался отложить эти приквелы, чтобы сделать их объемнее и детальнее. Детские стишки и поэмы, связывающие загадочную личность Дудочника с Черной Смертью, еще сложнее, чем кажется. Но тогда текст получился бы слишком перегруженным и тяжелым для чтения.

2) Кроме того, изначально историю Дудочника Шапке должна была рассказывать ее мать, но вышло скучновато, и я подумал, что дурашливый голос Дьявола добавит рассказу огоньку.

3) Настоятельно рекомендую перечитать бессмертную поэму Роберта Браунинга и получше изучить историю детского стишка Ring Around the Rosy. Все проведенные аналогии абсолютно реальны.

4) Что именно приключилось с детьми Гамельна, подробности странствий королевы Батори и то, как всё это стыкуется с Белоснежкой, будет раскрыто в основном цикле.